ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕКОНСТРУКЦИИ ДРЕВНЕЙШЕЙ СЛАВЯНСКОЙ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ

В последние годы снова оживился интерес к проблеме реконструкции архаического состояния традиционной, в том числе и древнеславянской (праславянской, протославянской), культуры. Опубликованы десятки статей и несколько фундаментальных монографий: Б. А. Рыбаков. «Язычество древних славян» (М., 1981); В. В. Иванов и В. Н. Топоров. «Славянские языковые моделирующие семиотические системы» (М., 1965) и «Исследования в области славянских древностей. Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов» (М., 1974); Б. А. Успенский. «Филологические разыскания в области славянских древностей» (М., 1981); четырехтомная монография «Календарные обычаи и обряды народов Зарубежной Европы», включающая главы по славянским народам (М., 1973—1983), и др. Статьи о славянской мифологии в двухтомном словаре «Мифы народов мира. Энциклопедия». Т. I—II (М., 1980—1982) в своей совокупности также равноценны специальной книге по древнеславянской духовной культуре. Можно назвать еще серию статей, опубликованных в последние годы Н. И. Толстым и С. М. Толстой и их учениками; Т. В. Цивьян, А. К. Байбуриным и др. Появился ряд исследований по поздней славянской обрядности, которые дают значительный материал для комплексного изучения древнейших форм славянской культуры (В. К. Соколова, А. К. Байбурин, Т. А. Бернштам и др.). Некоторые из этих исследований рецензировались в «Советской этнографии»[1].

Исследователи, писавшие в последние годы о древнеславянской мифологии, высказали много новых идей (более или менее убедительных). К сожалению, результаты их изысканий далеко не всегда могут быть сопоставлены и тем более согласованы друг с другом. Некоторые предположения и гипотезы, вошедшие в научный оборот, начинают иной раз восприниматься как вполне достоверные факты. В сложившейся ситуации представляется необходимым обсуждение не только результатов, но и самой методики исследования, той теоретической перспективы, без которой частные исследования могут остаться несопоставимыми и несогласованными.

В связи с этим редакция журнала «Советская этнография» решила воспользоваться вопросником, который был подготовлен к ленинградскому симпозиуму «Вопросы комплексного изучения древней славянской культуры (этногенетический аспект)», прошедшему в июне 1981 г.[2], и был тематически связан с основными докладами симпозиума. В мае 1983 г. в Москве прошел второй симпозиум по славянской этногенетической тематике с некоторой конкретизацией материала и территории исследования — «Полесье и этногенез славян»[3]. Проблемы, затронутые в вопроснике, активно обсуждались на IX Международном съезде славистов в Киеве в сентябре 1983 г., в докладах и дискуссиях по ним на секциях «Этногенез славян в свете данных археологии и истории» и «Праславянский язык в кругу других языков», а также на заседании специально-

[1] См., например, *Арутюнов С. А.* Рец.: Б. А. Рыбаков. Язычество древних славян.— Сов. этнография, 1982, № 4.

[2] См. информацию А. В. Гуры: Сов. этнография, 1982, № 6.

[3] См. информацию Л. Н. Виноградовой: Сов. этнография, 1983, № 6.

го круглого стола «Этногенез славян», в котором приняли участие слависты разных специальностей — археологи, антропологи, этнографы, историки, лингвисты, фольклористы. На всех перечисленных публичных собраниях и дискуссиях обсуждались вопросы, изложенные в анкете, что говорит в пользу актуальности и своевременности их дальнейшего обсуждения.

Ниже мы публикуем вопросник (авторы Н. И. и С. М. Толстые), являющийся методическим документом, имеющим самостоятельную ценность, и ответы на него, полученные от лингвистов, этнографов, фольклористов и археологов, к которым редакция нашего журнала обратилась с предложением принять участие в дискуссии.

ВОПРОСНИК

1. Каковы основные задачи реконструкции древнейшей славянской духовной культуры (далее — СДК)? Возможно ли выделение отдельных этапов реконструкции и промежуточных звеньев в развитии СДК (аналогично выделению помимо праславянского языка древнерусского, пралехитского и т. д.)?

2. Каковы пути и методы реконструкции древнейшей СДК? Совпадает ли методика реконструкции славянской мифологии с методикой реконструкции праславянского языка? Правомерен ли вопрос о «диалектологии» славянской мифологии?

3. Каково место и значение основных источников (письменные памятники, диалектные данные, межславянские и славяно-инославянские соответствия) реконструкции древнейшей СДК?

4. Каковы возможности сопоставительного и ареального изучения СДК и применения сравнительно-исторического метода в славянской этнографии, фольклоре, мифологии (по образцу сравнительно-исторического метода и направления в славянском языкознании)?

5. Каковы задачи и методы картографирования этнографических, фольклорных и мифологических фактов? В чем их отличие от лингвистического картографирования? Как интерпретировать и оценивать соотношение изоглосс, изопрагм (линий, разграничивающих области распространения элементов материальной культуры) и изолекс (линий, разграничивающих области распространения элементов духовной культуры) и межславянские параллели в области СДК?

6. Как можно определить понятие «славянские древности» в языкознании, фольклористике, мифологии, письменности, этнографии, археологии и истории?

7. Существует ли славянский этнокультурный тип и славянское этнокультурное единство, подобно славянскому языковому типу и единству?

8. Можно ли говорить о существовании этнокультурных союзов и контактов подобно языковым союзам и контактам? Как следует ставить вопрос о славяно-неславянских связях и внутрислявянской интерференции в области духовной культуры? Какие зоны наиболее интересны в этом отношении?

9. Как Вы представляете себе диалектное и лингвистическое членение древних славян в свете данных этнографии, лингвистики и фольклора для решения этого вопроса?

10. Могут ли архаические зоны современной Славии (области распространения славянских языков и этносов) служить моделью праславянского существования? Если да, то в каком отношении и в какой степени? Какие зоны?

11. Была ли древнейшая славянская религия (язычество) достаточно монолитна в территориальном, структурном и бытовом отношении? Существовал ли пантеон славянских богов? Если да, то был ли он общим или существовал ряд локальных, структурно различных пантеонов?

12. Как следует понимать проблему «двуязычия» («многоязычия») в культуре? Как можно разграничить народную и «книжную» (церковную) культуру?

13. Каковы возможности собирательской (полевой) работы в настоящее время в области «славянских древностей» в разных зонах? Как следует ее организовать?

14. Какими должны быть программы и вопросники по сбору материалов для комплексного изучения СДК?

15. Каков предмет, задачи и методы этнолингвистики?

Б. Н. Путилов (Ленинград)

Проблемы реконструкции в сфере фольклора самым непосредственным образом связаны с задачами его исторического изучения, с задачами научного воссоздания историко-фольклорного процесса в его целостности и возможно большей конкретности. Необходимость и важность реконструкций обусловлены самой природой фольклорного процесса и характером реального фольклорного материала, с которым имеет дело наука. В историческом развитии фольклора органически сочетаются эволюционное начало и перерывы постепенности. Первое характеризует жизнь фольклора и фольклорное творчество в пределах одной исторической стадии, второе — переход от одной стадии к другой, перестройку всего состояния фольклорной традиции. И то и другое может быть уловлено наукой лишь при фиксации фольклора на разных, достаточно протяженных во времени и, что особенно важно, критических для него этапах движения. Между тем в отношении фольклора любой страны и любого народа (в том числе и фольклора славянских народов) картина такова, что достаточно представительный и надежный материал существует лишь в рамках одной стадии (как правило, хронологически позднейшей), и то не полностью, а частично. В сущности для славянского фольклора, который зафиксирован в основном в границах XVIII—XX вв., можно сказать, что он открывается перед нами в своем итоговом состоянии, как результат многовекового развития, ряда эволюционных перемен и перерывов постепенности. Отсюда следует, что задачи и возможности реконструкции его чрезвычайно усложняются.

Необходимо прежде всего условиться, что подлежит реконструкции. Речь может идти по крайней мере о четырех основных уровнях реконструкции, к которой должна стремиться наука: состояние фольклорной системы в целом на данной стадии, жанры, тексты, элементы (образы, поэтические приемы и т. д.).

Очень важно придерживаться совокупности методологических принципов, обеспечивающих надежность и самую возможность реконструкций в фольклоре. На мой взгляд, они таковы.

I. Понимание закономерности фольклорного процесса, неслучайности возникновения какого-либо фольклорного явления (не только в смысле его социальной, бытовой обусловленности, но и с точки зрения внутреннего развития и внутренних возможностей самого фольклора). Например, для фольклора закономерно, что формы архаические принадлежат более ранним стадиям, что фантастика, мифология типологически предшествуют исторической конкретике, что реальное изображение человека и исторической личности появляется на поздних стадиях и т. д. Закономерным является возникновение отдельных жанров на определенных стадиях фольклорного процесса, отсутствие их на предшествующих стадиях и т. д.

II. Осознание специфики фольклора как особой формы культуры с особенностями его создания, хранения, воспроизведения и передачи, с характерной для него функциональностью, своей поэтикой и т. д. Реконструируя какие-либо фольклорные формы, мы всегда должны соотносить их с системой свойств и особенностей фольклора, с традицией, которая во многом эту систему воплощает. Несоответствие традиции, известной науке по реальному материалу, противоречие с нею делают реконструкции весьма сомнительными.

III. Реконструкция до определенной степени основывается на известном реальном материале. Именно этот последний дает ей стимул и направление. Реконструировать можно лишь то, что оставило свои следы в поздней традиции, то, на что намекает она, то, что смутно за нею угадывается. Это могут быть текст, образ, жанр, состояние. Реконструкция лишь тогда убедительна, когда она находит себе подтверждения в позд-

ней традиции, зафиксированной реальными записями. Отсюда возникает важнейшее требование — уметь видеть в фольклоре органическую и очень сложно и многообразно выражаемую полистадиальность, уметь обнаруживать «следы», обладать чутьем на архаику. Всякое явление в фольклоре — результат эволюции или трансформации некоего предшествующего состояния, и это обязательное условие дает науке исключительные возможности для реконструкции.

IV. Фольклор в его традиционных классических формах органически включен в быт, является нераздельной частью быта, обусловлен им. Любая реконструкция обязана считаться с этим и даже в известной мере исходить из этого. Вне бытовых связей реконструкция повисает в воздухе, оказывается оторванной от народной почвы фольклора.

V. Важнейшей методологической основой реконструкций в фольклоре является сравнительно-исторический подход. Национальная традиция сама по себе не может послужить базой для реконструкций, необходим реальный материал типологически предшествующих стадий, в свете которого традиция получает историческую перспективу и появляется возможность ретроспективного прочтения. Поскольку реальный, зафиксированный наукой массив записей относится к одной поздней стадии, а мы хотим реконструировать состояние предшествующих стадий, нам важно знать, что собою представляют типологически сходные стадии в фольклоре других народов. Фольклор славянских народов, как он зафиксирован записями, принадлежит к единой поздней стадии. Поэтому в принципе сравнение материала внутри этого фольклора не даст нам выхода за ту же стадию. Правда, здесь могут быть исключения: «следы» в фольклоре одного народа могут оказаться сильнее и отчетливее или архаичнее и т. д. К тому же, сопоставляя материал внутри славянского фольклора, мы накапливаем большее число фактов. Тем не менее для целей реконструкции необходимо подключение материалов по фольклору других, неславянских народов. С точки зрения историко-типологической теории, здесь, в выборе народов, главным является не соседство, не родство, не наличие или отсутствие контактов и т. д., а момент историко-типологической преемственности: надо искать такой сравнительный материал, который бы независимо от его этнической принадлежности и реальной хронологии в наибольшей степени совпадал с вероятным состоянием изучаемого материала на предшествующей, исчезнувшей для нас стадии. Как пример удачного обнаружения такого материала, имевшего весьма плодотворные последствия для изучения русского героического эпоса, сошлюсь на работу В. Я. Проппа[1]: подключение им к изучению русских былин материалов по архаическому эпосу народов Сибири и Крайнего Севера позволило дать совершенно новую картину состояния эпоса эпохи, предшествовавшей Киевской Руси.

VI. Учитывая особенности фольклорного процесса, о которых говорилось выше, стоит различать реконструкции внутри одной стадии и реконструкции предшествующих стадий. В качестве примера опять сошлюсь на былины. То, что делал В. Я. Пропп, сопоставляя былины с архаическим эпосом других народов, относится к реконструкциям второго вида. К первому виду реконструкций относилась бы попытка восстановить русскую былину в формах, скажем, XI—XIV вв. Я исхожу при этом из убеждения, что та былина, которую мы знаем по записям и пересказам конца XVII — середины XX в., типологически подобна древнерусскому эпосу, т. е. сохранила ту же сюжетику, тот же состав персонажей, тот же характер историзма и меру фантастики и т. д. Однако в рамках единого стадиального состояния за многие века русский героический эпос пережил известную эволюцию, и, хотя он не подвергся трансформации и не знал в этих пределах перерыва постепенности, все же его состояние в древней Руси нуждается в реконструкции. Напомню, что представители исторической школы реконструировали русский эпос, основываясь на ошибочном представлении, будто он в дальнейшем подвергся решитель-

[1] *Пропп В. Я.* Русский героический эпос. Л.: Изд-во ЛГУ, 1955.

ной трансформации или совершил эволюцию от форм конкретно исторических к формам фантастической архаики. К сожалению, таким необоснованным реконструкциям пока что в нашей науке не противопоставлены реконструкции, базирующиеся на понимании закономерной эволюции единого в типологическом отношении эпоса.

Можно было бы подумать, что два вида реконструкции взаимно связаны, что без «эволюционной» реконструкции преждевременно приступать к «трансформационной». В действительности это не так. Я убежден, что реальная фольклорная традиция содержит материал и для того, и для другого. Как ни парадоксально, материал сравнительный больше дает для реконструкции предшествующих стадий. Возможно, более внимательное исследование, с применением более совершенной методики, собственно славянского материала позволит дать достаточно убедительные реконструкции ряда жанров и текстов, относящиеся к началу той стадии, конец которой зафиксирован основной массой записей.

В заключение — о реальных возможностях реконструкций. Разумеется, они разные для состояний системы, жанров, текстов, элементов. Остановлюсь на текстах. Вербальный текст в прямом смысле слова реконструировать — в нашем понимании — невозможно. Вполне реальна реконструкция сюжетных тем, типов самих сюжетов, вплоть до отдельных (не всех) мотивов и ситуаций. Для нарративных жанров все это имеет громадное значение: через сюжет всегда просвечивает наиболее существенное в произведении, и целый ряд конкретных показателей в сюжетике дает представление о типологии жанра, о его состоянии и движении.

Можно сказать, что возможности для реконструкций, которые заложены в известном нам реальном фольклорном материале и которые предоставляет историко-типологический метод, используются пока еще весьма слабо. Между тем богатейший фольклор славянских народов ждет не только современных интерпретаций, толкований, но и разнообразных реконструкций, которые представили бы, пусть отчасти гипотетически, конкретные образы его истории.

А. К. Байбурин (Ленинград)

Предложенная анкета дает хороший повод как для обсуждения сформулированных в ней вопросов и их уточнения, так и для постановки вопросов, не вошедших в анкету, но имеющих самое непосредственное отношение к проблеме реконструкции древней славянской культуры. Коснусь лишь некоторых моментов.

Прежде всего следует, вероятно, уточнить задачи реконструкции. В самом общем плане речь может идти о двух основных типах реконструкции в зависимости от того, что подлежит восстановлению — система или текст. По отношению к древнейшей славянской духовной культуре это означает необходимое различение реконструкции системы представлений о мире (модели мира) и текстов (обряды, мифы, данные языка и т. д.), в которых эта модель нашла свое воплощение. Очевидно, несмотря на взаимосвязанность этих двух планов, цели, методика и принципы реконструкции будут различными. В обоих направлениях накоплен определенный опыт, однако проблематика «славянских древностей» традиционно решалась в основном применительно к тексту, и лишь в самое последнее время предприняты попытки реконструкции системы. Инерция ориентации на восстановление текста отчетливо ощущается и в вопросах данной анкеты. Между тем по отношению к духовной культуре реконструкция системы представлений о мире представляет задачу первоочередной важности. Обычная логика движения от факта к смыслу срабатывает далеко не во всех случаях, особенно применительно к древнейшему периоду. Хорошо известно, что один и тот же смысл в пределах одной и той же этнической культуры может быть объективирован в различных фактах. Неудачи ряда археологических реконструкций во многом объясняются именно тем, что однородность фактов постулиру-

ется (сознательно или нет) в качестве определяющего признака того или иного этнического образования. Данные этнографии и лингвистики письменного периода славянских языков позволяют говорить о большей однородности глубинных, а не поверхностных уровней культуры славян. Другими словами, при реконструкции дописьменного периода славянской духовной культуры целесообразно исходить из некоторой общей для всех славян системы значений при неоднородности репрезентирующих эту систему текстов.

Именно поэтому возможности ареального изучения славянских древностей (как и вопрос о правомерности «диалектологии» славянской мифологии) ограничены поверхностным уровнем культуры, т. е., учитывая различия в понимании мифа, во-первых, как словесного текста и, во-вторых, в более широком смысле — как мировоззренческой схемы, «диалектология», «картографирование» и т. п. могут применяться по отношению к мифу в первом значении.

Постановка проблемы комплексного изучения древней славянской культуры предполагает определение возможностей каждой из дисциплин (лингвистики, этнографии, археологии, антропологии, фольклористики) и разработку методики сопоставления результатов соответствующих реконструкций. Особая роль языка в системе семиотических средств, разрабатываемых в человеческом обществе (ср. соображения о языке как об универсальном интерпретанте всех остальных семиотических систем), вкупе с большей разработанностью методов лингвистических реконструкций выдвигает лингвистику на первый план. Поэтому особую актуальность представляет выработка приемлемых способов совмещения прежде всего лингвистических реконструкций с данными других дисциплин.

Этнографическая реальность и фольклор находятся в самой тесной связи с языком: словарь языка можно рассматривать в качестве модели быта коллектива и одновременно как лексическую базу фольклора. Вместе с тем этнографический контекст приобретает все большую значимость в этимологических разысканиях, поскольку позволяет выявить глубинные связи языка с культурой. Неслучайно именно в этом направлении получены наиболее значительные результаты в плане реконструкции славянского (и шире — индоевропейского) мифа и ритуала (работы Э. Бенвениста, В. В. Иванова, В. Н. Топорова). Сейчас уже ясно, что максимальный эффект может быть достигнут при сопоставлении не одиночных фактов, а серии результатов, полученных в итоге частных реконструкций в смежных дисциплинах, причем для восстановления картины древнейшей славянской духовной культуры особую роль приобретают явления, для которых удается реконструировать значения, реализующиеся сразу в нескольких сферах культуры. Речь идет не только о ключевых терминах культуры, но и (в более широком плане) о ключевых символах культуры. Их отличительная особенность состоит в том, что они имели смысл как в системе материальных средств жизнеобеспечения, так и в ритуале (ср. такие символы, как дом и его части, элементы одежды, пищи и др.). Подобные символы, как правило, соответствуют ключевым терминам культуры, а их образы детально разрабатывались в фольклорных и мифологических текстах. Поэтому выявление возможно полного набора таких символов, восстановление особенностей прагматики, архаической семантики — одна из задач, при решении которой соотнесение выводов, полученных в этнографии, лингвистике, археологии и фольклористике, может быть особенно эффективным.

Перерыв в культурно-исторической традиции, который произошел в связи с принятием христианства, и соответствующая ориентация письменных памятников выдвигают в качестве если и не основных, то, безусловно, заслуживающих самого пристального внимания источников данные фольклора, в первую очередь его обрядовых форм. Обрядовый фольклор претерпел влияние христианства в минимальной мере, и снятие «христианского слоя» (например, путем сопоставления текстов даже в пределах одной культурной традиции) обычно не вызывает особых затруднений. Вероятно, примерно то же можно сказать и о самих обрядах,

причем есть основания предполагать, что проницаемость христианской идеологии для разных текстов была неодинаковой, поскольку новое мировоззрение старалось утвердить свои схемы прежде всего в сфере семейных отношений, морали и др. Поэтому христианский компонент особенно ощутим в обрядах жизненного цикла (родины, свадьба, похороны) и, пожалуй, менее всего проник в систему окказиональных обрядов. Кроме того, степень проницаемости, вероятно, зависела от совпадения элементов наложенных друг на друга систем (язычества и христианства), приводивших к известным случаям отождествления, особенно показательным для различного рода иерархических подсистем. Сказанное отнюдь не означает полного пренебрежения информацией, которую можно извлечь из письменных памятников, но их прочтение должно корректироваться материалами устной традиции.

В. Е. Гусев (Ленинград)

1. Комплексное изучение СДК — своевременная и посильная для современной науки задача. Однако предварительно необходимо уточнить само понятие «комплексное изучение». В связи с этим желателен учет многолетнего опыта деятельности Комиссии АН СССР по комплексному изучению художественного творчества, особенно тех ее симпозиумов и изданий, где обсуждались методологические проблемы и где в той или иной мере привлекались данные этнографии и фольклористики.

Предметом комплексного изучения могут быть не любые явления, а лишь целостные объекты (системы, структуры). СДК, безусловно, представляет собою такой объект с присущими ему специфическими внутренними связями структурных элементов и внешними связями в пределах социально-исторической и культурно-этнической метасистем (генетические и контактные связи с культурами древнебалтской, древнегерманской, скифо-сарматской, угро-финской). Основной задачей комплексного изучения СДК и является, по-видимому, ее *реконструкция как целостной системы всех элементов духовной культуры славян* и определение *основных этапов ее развития* (от возникновения до распада и превращения в иные конкретно-исторические системы культур разных славянских народов).

2.4. Необходимым условием успешного комплексного изучения является определение тех научных дисциплин, которые этим займутся (не лингвистика вообще, не энтография вообще, не фольклористика вообще и т. д., а их определенные «направления», «школы»), а также привлечение к этой работе необходимого числа научных коллективов и определенного типа исследователей — эрудированных в своей «узкой» специальности и вместе с тем склонных к синтетическому изучению предмета и работе с коллективами, представляющими смежные дисциплины.

Во-вторых, необходимы целенаправленная, единая и приемлемая для всех участвующих в комплексном изучении СДК программа и научная методика, вытекающие из основной задачи — реконструкции СДК как целостной системы. В частности, серьезного внимания заслуживает так называемый «ретроспективный метод», основанный на признании относительной устойчивости и преемственности (традиционности) этнографических признаков культуры. В связи с этим важно осознать, что не всякое сходство в культуре славянских народов может быть надежным основанием для реконструкции СДК: одни из них, действительно, восходят к эпохе славянской общности, другие являются следствием типологически сходных закономерностей развития различных славянских культур, третьи — результат контактных связей между ними (взаимодействия, взаимовлияния, заимствования и т. п.). *Только сходства первого типа могут служить отправной точкой при реконструкции СДК.* Поэтому в данном случае опасны чрезмерное увлечение историко-типологическим методом и тем более абсолютизация его, и в ряде случаев следует отдать предпочтение, к сожалению, еще недостаточно разработанному *генетическому методу*. Как удачно сформулировал В. В. Седов, «непременным

условием для заключения о единстве этноса должна быть генетическая преемственность при смене одной археологической культуры другой»[1]. Это условие можно распространить на все элементы культуры, когда осуществляются этногенетические исследования. *Лишь исследование генетически преемственных элементов в материальной и духовной культуре славянских народов может привести к достоверным выводам о характере СДК.*

3.14. Исходя из задач комплексного изучения СДК, недостаточно ограничиться в качестве основных источников ее реконструкции лишь письменными памятниками, а также лингвистическими данными и археологическими материалами. Необходимо в значительно большей мере, чем это делалось до сих пор, привлечение этнографических и фольклорных источников, в частности современных полевых материалов, собираемых заново, по новым программам и вопросникам. Однако к сожалению, приходится констатировать недооценку таких программ и вопросников в фольклорно-этнографических экспедициях. Как правило, даже ведущие академические учреждения осуществляют полевую работу без таких программ (отрадное исключение — работа Полесских экспедиций Института славяноведения и балканистики АН СССР). Практически не учитывается даже «Программа для комплексных фольклорных экспедиций», опубликованная Комиссией комплексного изучения художественного творчества при Научном совете по истории мировой культуры АН СССР (М., 1971). В связи с проводимым нами полевым исследованием современного состояния фольклорных традиций восточнославянской общности (пограничных районов БССР, РСФСР и УССР — Гомельской, Брянской и Черниговской областей) составлен «Вопросник», апробированный в 1980 г., во время экспедиции Института искусствоведения, этнографии и фольклора АН БССР («Вопросник» предложен и Институту искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР). На наш взгляд, специализированные вопросники по сбору материалов для комплексного изучения СДК должны быть не громоздкими, но обязательно соотнесенными с общей для всех специалистов программой. Поэтому *желательно создание особой координационной рабочей группы по разработке программы и вопросников.*

6. Реконструкция СДК как целостной системы требует прояснения некоторых терминов и согласованности в пользовании ими. Одним из таких терминов является понятие «славянские древности». По-моему, соответствующий вопрос, как он сформулирован в анкете, может дезориентировать исследователей при комплексном изучении СДК. Думается, что следует стремиться не к различению понятия «славянские древности» в разных науках, а к интеграции значений этого понятия и в конечном счете к единому значению, иначе исчезнут определенность и целостность предмета комплексного изучения. Пока же понятие «славянские древности» даже в рамках одной науки не отличается терминологической ясностью, что можно проиллюстрировать на материале археологической литературы. Сразу же отвечу на подразумеваемый вопрос: не следует ли вообще отказаться от этого понятия? На мой взгляд, это практически невозможно, поскольку после известных трудов Й. Шафарика и Л. Нидерле понятие «славянские древности» прочно вошло в международный научный обиход и принято современной славистикой (достаточно сослаться на капитальное многотомное издание «Słownik starożytności słowiańskich» (далее польский «Словарь»). Широко пользуются этим понятием и современные советские археологи. Обычно оно соотносится с такими понятиями, как «доисторическое время» (Л. Нидерле), «праистория славян» (В. Хензель), «предыстория» (К. Яжджевски), «первобытная история славян» (Ю. Неуступны), «ранняя история славян» (В. В. Седов) и т. п. Содержание понятия «славянские древности», первоначально связанное лишь с археологическими памятниками, постепенно значительно расширилось («быт и культура древних славян» —

[1] *Седов В. В.* Происхождение и ранняя история славян. М.: Наука, 1979, с. 39.

Л. Нидерле, «ранняя культура славян» — Б. А. Рыбаков, и т. п.), т. е. *практически становится тождественным понятию СДК, всему комплексу элементов материальной и духовной культуры.*

Наиболее спорными являются стадиальные и особенно хронологические определения «славянских древностей». Еще Доленга-Ходаковский отличительным признаком их считал дохристианские верования. Некоторые современные исследователи «помещают» «славянские древности» в раннее средневековье (В. Хензель). В трудах советских исследователей речь идет, как правило, о периоде, предшествующем возникновению государственности, однако некоторые авторы включают в него и ранний феодализм. Хронологические рамки при этом весьма подвижны. П. Н. Третьяков в работах 50-х годов отодвигал нижнюю границу этногенеза ко II тысячелетию до н. э. Б. В. Горнунг и Б. А. Рыбаков начало праславянского периода датируют XV в. до н. э., Ф. П. Филин и др.— I тысячелетием до н. э., В. Хензель — IX—VIII вв. до н. э., М. Фасмер, Т. Лер-Сплавинский, В. П. Кобычев и др.— серединой I тысячелетия до н. э., В. В. Седов — V—IV вв. до н. э., Ю. В. Кухаренко — IV—III вв. до н. э. Исследователи расходятся и в обозначении верхней границы эпохи «славянских древностей». Основываясь на лингвистических данных и ограничивая СДК распадом славянской языковой общности, разные исследователи устанавливают верхнюю хронологическую границу в пределах середины — конца I тысячелетия н. э.: V — VII (В. В. Седов), V — IX (И. Б. Русанова), VIII—IX вв. (В. Д. Баран). Вместе с тем польский «Словарь» охватывает период со второй половины II тысячелетия до н. э. до XII—XIII вв. н. э. Ю. В. Кухаренко тоже доводит свою характеристику «славянских древностей» до XII—XIII вв. Таким образом, *у одних авторов «славянские древности» охватывают весьма большую эпоху (до 2,5 тыс. лет), а у других (В. В. Седов) — одно тысячелетие.*

Разумеется, принимая во внимание различия в историческом развитии разных славянских племен и степень устойчивости тех или иных явлений в их культуре, некоторые хронологические расхождения при исследовании отдельных зон, ареалов и элементов СДК неизбежны. Однако все же, думается, реконструируя СДК как целостную систему, важно прежде всего иметь в виду тот период, когда она составляла реальную целостность, т. е. *до расселения славян с их прародины и разделения их на три самостоятельно формировавшиеся ветви.* Задача реконструкции культур восточнославянской, западнославянской и южнославянской общностей представляется мне существенно отличной от задачи реконструкции СДК, что, разумеется, не исключает необходимости изучения процесса наследования и преемственности культур.

Ю. И. Смирнов (Москва)

1. Прежде чем ставить задачу «реконструкции древнейшей славянской духовной культуры», нужно определить — хотя бы в первом приближении — предмет исследования, его составляющие и связи между ними. Нужно также четко знать социальную принадлежность этой культуры и диапазон исторического времени, в пределах которого она, вероятно, существовала. В зависимости от того, какими будут показаны ориентиры, характеризующие предмет исследования по его основным параметрам, окажутся видимыми и этапы достижения цели, последовательность их осуществления.

И все же, сколь бы реалистичными ни были рабочие ориентиры, ныне задачу «реконструкции древнейшей славянской духовной культуры» надлежит считать только долгосрочной исследовательской перспективой, но никак не насущной потребностью соответствующих общественных наук. Действительно, научное решение подобной задачи возможно лишь после того, как будет системно описана народная духовная культура (по народам и языковым группам) в ее внутренних связях и внешних взаимодействиях, по состоянию в пору активного собирания языковых, этногра-

фических и фольклорных фактов (XIX—XX вв.). Иными словами, сначала надо создавать надежную сырьевую базу из достоверного массового материала. Следовательно, предварительно нужно ставить вопросы о том, как и из чего создавать сырьевую базу для познания исторической ретроспективы народной духовной культуры. Любые попытки «реконструкции» без такой сырьевой базы выходят за пределы науки и, естественно, не заслуживают того, чтобы их принимать во внимание.

2. Единственно реальный путь — идти от познанного к познаваемому. Это путь исторической ретроспективы, тождественный долгосрочной исследовательской перспективе. Наряду со случайным или произвольным использованием источников методика остается еще одной ахиллесовой пятой всех, кто до сих пор пытался «реконструировать» народную духовную культуру славян. Отметим, в частности, что сугубо лингвистические приемы, в особенности имеющие обращение в фонологии, будучи перенесенными в сферу изучения народной духовной культуры, откровенно и активно содействуют тому, чтобы игнорировалось понимание специфики народной культуры как социального и исторического феномена.

Как в этом вопросе, так и в последующих совершается неправомерное отождествление славянской народной духовной культуры времен общинно-родового строя с «мифологией», «славянскими древностями», «славянской религией (язычеством)» и пр. Нет никакой необходимости преднамеренно сужать предмет исследования, используя применявшиеся воинствующей церковью термины «язычество» и «демонология», или подменять его одними лингвистическими аспектами народной духовной культуры и вовсе исключать социально-исторические аспекты.

3. Удивительно, что авторы вопросника в числе «основных источников» не нашли места для фольклорных и этнографических фактов! А между тем именно данные народной духовной культуры, в большинстве своем еще не систематизированные, остаются самым свежим и наименее используемым источником всякий раз, когда кто-либо пытается описывать приснопамятное «славянское язычество». Если заниматься народной духовной культурой, то «возможности» для ее познания надо искать прежде всего и главным образом в ней самой, а не в каких-либо потусторонних сферах. Возможности письменных источников довольно ограничены, сведения из них далеко не всегда могут быть реально поняты без привлечения фольклорных и этнографических фактов; тем не менее существует необходимость создания подборок сведений из письменных источников, имеющих отношение к народной духовной культуре. Возможности «диалектных данных», безусловно, богаче письменных источников, однако лингвисты не спешат с выпуском словарей диалектной лексики, где по каждому термину, особенно связанному с народной духовной культурой, давался бы исчерпывающий перечень значений вместе с краткой этимологической справкой. Несомненного вклада можно было бы ожидать от археологов, историков, искусствоведов и музыковедов, если перед ними четко сформулировать надлежащий «социальный заказ», обусловленный связями народной духовной культуры и потребностями разработки определенной тематики.

4. Сопоставлением фактов и их географическим распространением так или иначе занимались все научные направления («школы»), этим будут заниматься и впредь. Но само по себе то или другое полностью не раскрывает возможностей научного направления. Очевидно, неверна сама постановка вопроса. Речь должна идти о том, какое научное направление в состоянии наиболее эффективно сопоставлять факты и показывать их ареальность, а также о том, достаточно ли только этих двух условий, чтобы обеспечить достижение поставленной цели.

Имея в виду фольклор, мы уже неоднократно высказывались за такое научное направление, которое принципиально стремится к предельному учету фольклорных фактов во всем их разнообразии. Полевой сбор материала, текстология, классификация и систематизация в этом случае должны быть неразрывными частями единой исследовательской программы. Тогда не понадобится повторять ошибки предшественников (умнее

совершать свои!), а показывать, что лучшее у предшественников — это попытки заметить одну за другой грани предмета исследования (им в науке соответствуют школы: мифологическая, заимствования, историческая и др.) и что эти грани по сути своей и есть отнюдь не исключающие друг друга аспекты теперешней единой исследовательской работы. В этих условиях применение эволюционного подхода станет единственно возможным и самым перспективным. Все это требует коллективных усилий ученых, а значит, и переустройства науки в целом.

Что касается методических приемов языкознания, то среди них мы пока не видим ничего такого, что стоило бы без промедления позаимствовать. Вместе с тем можно признать, что до сих пор только лингвистика указывала на определенные, кажущиеся теперь довольно надежными ретроспективные ориентиры для представителей иных общественных наук, занимающихся древними славянами (европейцами, индоевропейцами, ностратическими группами).

5. Значение картографирования неизменно преувеличивается, особенно теми, кто постоянно закрывает глаза на роль этнических миграций, на смешанный состав населения почти повсюду в славянском мире и, следовательно, на смешанный, зачастую этнически неоднородный характер народной духовной культуры (смешанный фольклорный репертуар при этом скорее правило, чем исключение). Картографирование — это иллюстрирование результатов проведенного анализа, не всегда достоверного, ибо не всякий анализ опирается на массовый материал в его разнообразии и эволюционной соотносимости и на скрывающийся за ним смешанный состав носителей этого материала.

Можно лишь сожалеть, что историки до сих пор уделяют недостаточно внимания миграциям населения внутри отдельных исторически сложившихся славянских зон и между ними, так как сведения о миграциях облегчают опознавание этнографических и фольклорных фактов по месту их исходного распространения.

6. Нет необходимости подменять расплывчатым выражением «славянские древности» народную духовную культуру, которой славяне, несомненно, обладали от затянувшегося этапа отделения славян от балтов до эпохи расселения славян в начале нашей эры. По времени это составляет добрую тысячу лет, вряд ли менее бурную и менее задетую контактами с иными народами, нежели следующее тысячелетие в жизни славян. Поэтому было бы наивно думать, что на протяжении столь большого отрезка времени духовная культура славян никак не менялась. Вместе с тем преждевременно говорить о качествах духовной культуры славян в течение этого тысячелетия. Самое оптимальное, чего можно ожидать в недалеком будущем,— это получение некоторых представлений об общеславянском наследии в духовной культуре современных славянских народов, наследии, разнесенном славянами в разные края Европы в эпоху их расселения. Полагаем, что уместнее пользоваться термином «общеславянское наследие и его эволюционные производные», ибо именно выделение общеславянского наследия в виде его эволюционных производных, что, по-видимому, никогда не было тождественным всей духовной культуре какого-либо славянского народа, может привести к опытам подлинной реконструкции их древнейшего состояния.

7. Мы предпочитаем говорить о славянской фольклорной общности, подразумевая как сходство, так и различие определенных фольклорных фактов. Безусловно, нужно подчеркивать славянскую общность по языку и народной духовной культуре, однако эта общность, что, наверное, для всех очевидно, не сводится к генетическому родству языковых и культурных фактов. Точно так же можно говорить об общности тюрок, финно-угров, германцев и др. Констатация общности сама по себе бессмысленна. Важно раскрыть ее по степени (удельному весу) и источникам происхождения общего.

10. Ни одну из зон современного расселения славян нельзя считать «архаической» и тем более «моделью праславянского существования». Повсюду народная духовная культура представляет собою больше или

меньше разбитую или, если угодно, осыпавшуюся мозаичную картину, сплошное обследование которой почти нигде не предпринималось. Уже эти два обстоятельства — мозаичное состояние народной духовной культуры и недостаточность ее обследования—исключают категорическое предпочтение одних славянских зон (тем более одной) перед другими. Лучше иметь двадцать не совсем одинаковых или почти не одинаковых мозаичных панно, чем одну мозаичную картину, целостность которой пока что может существовать лишь в чьем-то пылком воображении. Нельзя забывать о том, что любая из этих мозаичных картин многократно и каждый раз по-своему трансформировалась в той или иной части славянского мира. Чем больше картин или состояний народной духовной культуры доступно для наблюдения, тем легче и достовернее можно познавать происходившие перемены, открывать закономерности изменений и, стало быть, подготавливать себя к опытам моделирования.

Любая славянская зона может дать интересный «архаический» материал, если его там всерьез искать. Но там, где славяне поселились рано и при прочих равных условиях до сих пор сохранили продуктивную преемственность, мозаичная картина народной духовной культуры осыпалась меньше, чем в других местах расселения славян.

13—14. Эти чрезвычайно важные вопросы требуют специального и подробнейшего рассмотрения.

Все зоны расселения славян следовало бы подвергнуть обследованию одновременно, на единых методических основаниях и по единым комплексным программам. После такого эксперимента и сопоставления полученных результатов, возможно, родились бы и некие новые оценки мозаичного состояния народной духовной культуры по степени сохранения общеславянского наследия в виде его эволюционных производных.

15. Этнолингвистике не следовало бы провозглашать свое методическое всесилие и пытаться подменять собою этнографию и фольклористику. Ее предмет — лингвистические аспекты народной духовной культуры, и только!

Э. А. Рикман (Москва)

6. В этнографии понятие «славянские древности» включает черты культуры славян, освещенные Иорданом, Прокопием Кесарийским, Маврикием Стратегом, Феофилактом Симокаттой и т. д. Эти авторы VI—VII вв. описали территорию расселения, общественный строй (родоплеменной с началом классообразования), языческую религию, образ жизни, нравы, военное дело славян периода существования праславянского языка на последней стадии его развития. Данные из «Гетики» Иордана (VI в.) позволяют сделать вывод о существовании этнографических групп праславян: склавинов, венедов и антов [1].

В традиционной культуре восточных, южных и западных славян этнографы должны вскрыть пласт праславянских древностей. Эта сложная задача еще не выполнена, на что обратил внимание В. В. Седов, показавший, что вклад этнографов в изучение этногенеза славянских народов пока очень мал [2].

«Славянские древности» в археологии конкретны. Они охватывают памятники «пражского» («корчакского») типа, синхронные позднему этапу праславянского языка.

7. «Славянский этнокультурный тип» и «славянское этнокультурное единство» существовали. Это подтверждает археология: небольшие открытые поселения, жилища-землянки с печами-каменками, небольшие грунтовые могильники и курганы с урнами, содержащими остатки трупосожжений, лепная керамика «пражского» и «корчакского» типов складываются в специфическую праславянскую «пражскую» культуру, свой-

[1] *Мишулин А. В.* Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по VII в. н. э.— Вестн. древней истории, 1941, № 1, с. 230—280.

[2] *Седов В. В.* Происхождение и ранняя история славян. М.: Наука, 1979, с. 101, 103, 123, 125, 142.

ственную земледельцам в условиях родоплеменного строя с зарождающимся феодальным укладом. Эта культура отличается на территории от Днепра до Эльбы и от Припяти до Дуная удивительным единообразием, развиваясь непрерывно несколько столетий.

Исследователи пытаются выявить праславянские древности в черняховской (конец II—IV вв. н. э.) и пшеворской (конец II в. до н. э.— начало V в. н. э.) культурах. Отдельные праславянские элементы выявляются в черняховской культуре Верхнего Поднестровья. Но отыскать цельную праславянскую археологическую культуру этих столетий пока не удалось. Однако существование в Северном Причерноморье праславянской археологической культуры (V в. н. э.), еще недавно отрицавшееся, теперь убедительно обосновано. Памятники праславян V—VII вв. генетически связаны с достоверно славянскими древностями VIII—IX вв. Праславянство для более ранних веков можно выявлять методом сравнения с этими достоверно славянскими памятниками культуры.

Однако единство праславянской культуры V—VII вв. было относительным. Язык праславян в эти столетия дифференцируется на локальные языковые группы и одновременно появляются отличия в праславянских археологических памятниках. Расселение праславян в отдаленные друг от друга районы вызвало различия в темпах и особенностях развития отдельных племенных союзов. Активное взаимодействие с различными народами (например, с балтами, германцами и тюрками) привело к культурной дифференциации праславянского мира. Наиболее отчетливо региональные различия отразились в праславянской керамике VI—VII вв. Исследователи предполагают даже, что праславянские древности распались на несколько культур [3]. Такова, например, культура Ипотешть-Кындешть-Чурел, носителями которой, в частности, были праславяне. Она объединяет праславянский, византийский и дако-романский компоненты.

---

[3] *Русанова И. П.* Славянские древности VI—VIII веков н. э. М.: Наука, 1976, с. 5, 6, 8, 197.